

НОВАЯ СТРАНИЦА ИЗЪ ИСТОРИИ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

(По архивнымъ документамъ и личнымъ воспоминаніямъ).

Харьковский университетъ на своемъ вѣку (1805—1905) вынесъ двѣ тяжкихъ реакціи, одну въ двадцатыхъ, другую въ восьмидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія. Первая была при попечителѣ Захарѣ Корнѣевѣ, вторая во время П. Воронцова-Вельяминова. Та и другая сопровождалась гоненіями на профессоровъ и студентовъ, причемъ при первой реакціи были изгнаны изъ университета выдающіеся по нравственнымъ качествамъ и учености профессора Осиповскій и Шадъ, при второй также весьма почтенный и свѣдущій проф. Дитятинъ.

Реакціонный гнетъ и обскурантизмъ 20 хъ годовъ вполне уже выяснены въ историческихъ трудахъ профессоровъ Багалія, Н. Лавровскаго, Сухомлинова. Восьмидесятые годы еще ждуть своихъ историковъ, и оцѣнка ихъ предстоитъ ближайшему будущему. Законченный на этихъ дняхъ печатаніемъ краткій историческій очеркъ университета даетъ по этому поводу много интереснаго, и настоящая статья должна послужить дополненіемъ къ нему.

Главнымъ представителемъ и проводникомъ реакціи и обскурантизма въ харьковскомъ университетѣ въ 80-ые годы былъ Воронцовъ-Вельяминовъ, ставленникъ Кагкова и „Московскихъ Вѣдомостей“. Артиллеристъ по образованию В. В. провелъ многіе годы на службѣ въ Польшѣ, среди борьбы національныхъ и религіозныхъ элементовъ; 13 лѣтъ онъ былъ помощникомъ варшавскаго попечителя Апухтина, былъ корреспондентомъ „Моск. Вѣд.“ во время польскаго возстанія. Пройдя такую школу, В. В. занялъ въ Харьковѣ постъ попечителя въ 1885 г., т. е. въ самый разгаръ введенія устава 1884 г. и связаннаго съ нимъ административнаго погрома университетовъ.

Въ Харьковѣ Воронцовъ-Вельяминовъ явился, въ то самое время, когда „Моск.

Вѣд.“ побѣдоносно кричали „Власть идетъ!“ Попечитель всячески старался засвидѣтельствовать это шествіе власти, причемъ мѣрами воздѣйствія были избраны для низшей школы псалтырь и часословъ, для средней—латинская грамматика, для высшей—всеобщій нагоняй. Самъ по себѣ В. В. не производилъ импозантнаго впечатлѣнія: низенькій старичекъ, съ круглымъ желтымъ лицомъ, чело-вѣкъ, по природѣ вовсе не злой, онъ всячески старался казаться грознымъ, и первымъ его удовольствіемъ, было накричать на учителя или учениковъ или сдѣлать выговоръ профессору. Воронцовъ-Вельяминовъ съ большимъ усердіемъ принижалъ и разрушалъ нравственный авторитетъ профессуры, и опять таки не столько по личному желанію, сколько изъ желанія оправдать принципъ шествія власти. Все было рассчитано на то, чтобы дать почувствовать эту власть въ смыслѣ пониженія университета. Молва быстро подхватывала всѣ мелочи внутренней университетской жизни и разносила ихъ по городу съ неизбежными украшениями.

Воронцовъ-Вельяминовъ не видѣлъ и не подозревалъ, что, подкапывая и разрушая единственно возможный въ университетѣ авторитетъ—авторитетъ профессуры, онъ лишалъ себя въ университетѣ единственно для него возможной нравственной опоры.

Черезъ недѣлю по приѣздѣ въ Харьковъ Воронцову Вельяминову пришлось быть свидѣтелемъ университетскаго скандала—освистанія въ аудиторіи одного молодого профессора. Въ сообщеніи объ этомъ инцидентѣ въ Министерство В. В. обвинилъ трехъ уважаемыхъ профессоровъ за то, что они во время этой пробной лекціи читали свой урочный лекціи, и ихъ отсутствіе могло быть истолковано студентами манифестантами какъ молчаливое отрицаніе молодого профессора, и, какъ это ни странно, въ вину профессорамъ было поставлено нарушение установленныхъ часовъ лекцій.

22-го сентября 1885 года Д. В. защищалъ въ харьковскомъ университетѣ магистерскую диссертацию о малопреступникахъ по каведрѣ

права. Диссертантъ выступилъ здѣсь сторонникомъ антропологической теоріи, выдвигающей психо-физическія основанія преступныхъ наклонностей. Юридическій факультетъ поступилъ осторожно. Въ виду присутствія въ диссертации медицинскаго матеріала были опрошены специалисты изъ профессоровъ медицинскаго факультета, которые высказались въ пользу диссертации. Диспутъ прошелъ хорошо, и г. Дриль получилъ искомую степень; но черезъ недѣлю, 30 сентября, въ № 271 „Московского Листка“ появилась инсинуирующая статья, въ которой диспутъ г. Дриля названъ „порядочнымъ курьезомъ“, и профессора-юристы названы „наивными людьми“. Г. Дриль, по словамъ газеты, „проводитъ нелѣпую теорію, что преступники—не преступники, а люди больные по своей психо-физической организаци“ и что будто-бы отсюда вытекаетъ, что „судей можно замѣнить врачами, тюрьмы—больницами, всю юриспруденцію—психіатріей“. Инсинуація растетъ даѣе, и г. Дрилю приписывается уже намѣреніе „подвести мину подъ всѣ юридическія науки“. Медики-профессора, по мнѣнію „Моск. Листка“, одобрили диссертацию „или на смѣхъ юристамъ, или въ надеждѣ современемъ за брать себѣ всѣ ихъ мѣста“. Хотя все это нелѣпое обвиненіе было шито бѣлыми нитками, Министерство Народнаго Просвѣщенія потребовало дѣло о диспутѣ, и Воронцовъ-Вельяминовъ оправдывался въ допущеніи диспута тѣмъ, что былъ въ отсутствіи, осматривалъ среднее учебныя заведенія въ Тамбовской и Пензенской губерніяхъ.

Деканъ юридическаго факультета проф. А. Н. Стояновъ представилъ горячую защиту факультета, и вмѣстѣ съ тѣмъ г. Дриля. Проф. Стояновъ указывалъ на проявленное „Моск. Листкомъ“ грубое и невѣжественное изложеніе фактовъ, на ничтожность и лживость всей статьи. Съ отвращеніемъ отмѣчено, что московская газета требуетъ „какихъ-то непонятныхъ мѣропріятій предупредительно административнаго характера въ области объективной, послѣдовательно развивающейся по своимъ высшимъ законамъ

науки. Вмѣстѣ съ тѣмъ проф. Стояновъ просилъ объ увольненіи его отъ должности декана, но прошеніе его попечителемъ не было принято.

Немѣріе попечителя къ профессорамъ въ высшей степени выразилось въ его контролѣ темъ, предлагаемыхъ студентамъ, ч въ оцѣнкѣ рецензій профессоромъ исключительно съ полицейски охранительной точки зрѣнія. Опираясь на ст. 6 устава 1884 г., возлагающую на попечителя обязанность наблюденія за ходомъ преподаванія, Воронцовъ-Вельяминовъ въ 1886 г. потребовалъ себѣ на разсмотрѣніе сочиненіе студента Ерофалова на тему „Отношеніе государства къ первоначальному народному образованію“, предложенную на медальное сочиненіе профессоромъ государственнаго права Н. О. Куплеваскимъ. Прочитавъ отзывъ профессора, попечитель остался недоволенъ тѣмъ, что профессоръ не настаиваетъ на „здравыхъ понятіяхъ о государствѣ, церкви, обществѣ и семействѣ“. Въ студенческой работѣ попечитель усмотрѣлъ „фальшигге примѣненіе къ своему отечеству вырѣжекъ изъ нѣкоторыхъ писателей и иноземныхъ учреждений“, „ребяческую критику“, „незрѣлость ума и неузданность понятій“. Попечитель въ это поставилъ на видъ профессору и самъ вину всему факультету, о чемъ сообщилъ Министру Народнаго Просвѣщенія.

Еще болѣе строгому выговору въ томъ же 1886 г. подвергся профессоръ В. П. Даневскій за медальную тему „Общій взглядъ на институтъ выдачи преступниковъ“. Было подано два сочиненія, Наделемъ, удостоенное награды золотой медалью, и Сокальскимъ, получившимъ серебряную медаль. Оба сочиненія подверглись суровому осужденію попечителя. Его возмутила уже самая тема. Были объясненія по этому поводу и Даневскаго, и декана Стоянова, который снова сталъ было отказываться отъ деканства; но прошенію его попечитель не далъ ходу, а о темахъ и данныхъ выговорахъ онъ писалъ Министру Народнаго Просвѣщенія, съ добавкой весьма неблагоприятнаго отзыва

адвокатской дѣятельности профессора
невскаго.

1885 г. попечитель высказался про-
назначенной юридическимъ факультетомъ
темы о волостныхъ судахъ. Было по этому
поводу у него препирательство съ деканомъ
и переписка съ Министерствомъ.

Вообще, попечитель постоянно вмѣшивался
въ преподаваніе, выговаривалъ, входилъ въ
разговоры по поводу газетныхъ и журнальныхъ
статей, и, смотря по тому, какъ онѣ представлялись
ему, выдвигалъ начало благонамѣренности. Эта
была какая-то всеобщая опека съ личной точки
зрѣнія, воспитанной на „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.
Подозрѣнія и выговоры падали, какъ снѣгъ на голову,
часто совершенно неожиданно. Такъ, однажды,
деканъ историко-филологическаго факультета
В. К. Надлеръ сообщилъ мнѣ о желаніи
попечителя, чтобы я снялъ съ программы лекцій
объявленный уже курсъ объ апокрифахъ. Что
могло страшнаго показаться въ сказаніяхъ о
Соломонѣ, о Крестномъ дровѣ, посланіи Авгаря
и т. п., сказать мудрено, а снятъ все таки
пришлось, лазувется, на время, такъ какъ
преподаватель исторіи русской литературы не
можетъ обойти молчаніемъ столь важный
отдѣлъ.

Были у меня объясненія съ попечителемъ
также по поводу темъ. Одинъ студентъ
подаль мнѣ сочиненіе о Гончаровѣ. Моя
рецензія была упомянута въ университетскомъ
отчетѣ. Призвалъ меня попечитель и сталъ
выговаривать, что я задаю такія неподходящія
темы, что Гончаровъ не долженъ входить въ
исторію литературы, какъ писатель новый, что
знакомство студентовъ съ его сочиненіями
можетъ вызвать разныя превратныя мнѣнія.
Пришлось доказывать историческое значеніе
Гончарова, его отношеніе къ Гоголю.

Выслушивалъ я иногда и похаалы, которыя
были столь же неосновательны, какъ и порицанія.

Въ 1885 г. я напечаталъ статью о св.
Кириллѣ и Меѳодіи, по случаю тысячелѣтія
со времени кончины Меѳодія († 885).
Попечитель благодарилъ меня за выра-

женныя въ этой статьѣ религіозныя и
патріотическія чувства, будто о святыхъ
первоучителяхъ славянъ можно было
говорить иначе, съ особой зловредной
точки зрѣнія, не религіозной и не
патріотической. Собственно говоря,
о патріотизмѣ тутъ врядъ ли можетъ
быть рѣчь, такъ какъ понятіе о патріотизмѣ
предполагаетъ отечество, а въ 885 г.
наше отечество было покрыто
мракомъ неизвѣстности.

Главное, къ чему эта неусыпная
опека, то выслѣживаніе каждой
газетной статьи, притомъ
исключительно съ мизерной точки
зрѣнія участковой благонамѣренности.
Область такой науки, какъ исторія
русскаго языка и литературы, такъ
обширна и серьезна, что ее
никоимъ образомъ нельзя уложить
по короткому масштабу
официальной благонамѣренности.

До какой степени Воронцовъ-Вельяминовъ
бывалъ иногда несправедливъ въ
своихъ отношеніяхъ къ университету
и лучшимъ его питомцамъ, можно
видѣть изъ слѣдующаго случая:
Въ 1886 году совѣтъ университета,
по предложенію профессора
Лашкевича, единогласно постановилъ
ходатайствовать передъ высшимъ
начальствомъ о награжденіи
выдающагося мѣстнаго врача
В. А. Франковскаго званіемъ
почетнаго члена. Ходатайство
это не было удовлетворено
Министерствомъ, на что
попечителя Глухая молва
говорила, будто Франковскій
нѣкогда, въ 1863 году, далъ
повстанцамъ нѣсколько тысячъ
рублей или вынужденъ былъ къ
такому взносу; но если бы
этотъ фактъ и былъ вѣренъ,
то отъ того времени прошло
23 года, и Франковскій,
окончившій курсъ въ харьковскомъ
университетѣ въ 1840 году,
уже отдалъ 45 лѣтъ своей
жизни не полякамъ, а
православнымъ русскимъ
людямъ, своимъ согражданамъ
харьковцамъ. Ежегодно до
двухъ тысячъ человѣкъ
бѣдняковъ получаютъ отъ
него бесплатно лекарства.
Въ теченіе многихъ лѣтъ
Франковскій состоялъ
безвозмездно врачомъ
студентовъ. Онъ принималъ
дѣятельное участіе въ
леченіи больныхъ при
эпидеміяхъ холеры и
скорбута, и на основаніи
личныхъ наблюденій
напечаталъ 25 специальныхъ
статей.

о которыхъ выдающіеся ученые—профессора медицины—дали хорошіе отзывы. Франковскій выхлопоталъ у городского управленія устройство дѣтской больницы. Харьковское медицинское Общество въ 1892 г. въ день пятидесятилѣтія врачебной практики Франковскаго въ адресъ своемъ говорило: „Въ практической врачебной дѣятельности вы, по своему добросердечію и челоуколюбію, не признавали различія званій, сословій, положеній и состояній; равно гуманно, самоотверженно и безкорыстно вы относились ко всемъ нуждавшимся въ вашей помощи и мудрому совѣту, все равно, былъ ли это бѣднѣйшій изъ страждущихъ или самый младшій изъ врачей то варищей“. Судя по общимъ отзывамъ и множеству воспоминаній, Франковскій былъ для Харькова докторомъ Гаазомъ; но Воронцовъ-Вельяминовъ, сотрудникъ „Моск. Вѣдомостей“, видѣлъ въ немъ только поляка, и единогласное постановленіе совѣта, закрѣпленное такими именами, какъ профессора Лашкевичъ, Грубе, Гиршманъ, Зарубинъ, не было удовлетворено, съ ссылкой на 144 § Устава, будто-бы въ виду недостаточной учености Франковскаго. Какъ бы то ни было, Франковскій и черезъ полвѣка гуманнаго труда не могъ войти въ родной для него Харьковскій университетъ, какъ почетный его членъ, и вполне правъ былъ врачъ Ф. В. Писнячевскій, сказавшій на юбилей Франковскаго въ 1892 г., что къ двумъ своимъ достоинствамъ—„всегда работать“ и „всегда любить“, онъ можетъ добавить третье—„никогда не считать въ активѣ жизненнаго баланса чужой благодарности“.

Кромѣ личныхъ національных и вѣроисповѣдныхъ антипатій, Воронцовъ-Вельяминовъ отличался еще крайней опасливостью. Многолѣтняя служба на длинной лѣстницѣ административныхъ должностей воспитала его въ духъ непрестаннаго чиновнаго страха, который, по условіямъ времени и мѣста, въ Харьковѣ выражался очень рельефно, и въ бесѣдѣ съ теми самими профессорами, которыхъ попочитель различіемъ или направляя по пути благонамѣренности, онъ не могъ скрыть своихъ тревожныхъ опасеній о томъ,

какъ посмотреть или что скажутъ тамъ на таинственно-опасныхъ верхахъ. До какой степени доходила эта опасливость, видно изъ слѣдующаго мелкаго, но достаточно характернаго случая: 17-го января 1891 г. былъ назначенъ вечеръ въ пользу Общества пособія нуждающимся студентамъ, почти ежегодно бывающій въ этотъ день, въ связи съ университетскимъ актомъ и храмовымъ праздникомъ. Въ музыкальную программу входила „Крейцерава соната“ Бетховена. Все было уже готово, афиши отпечатаны, какъ вдругъ получено было приказаніе попечителя устранить названіе „Крейцерава соната“. Причиной запрещенія, вѣроятно, была вышедшая въ 1889 г. „Крейцерава соната“ гр. Л. Н. Толстого. Перепечатывать афиши уже было поздно, и онѣ появились на столбахъ съ обозначеніемъ „соната Бетховена“, а слово Крейцерава было заклеено бѣлыми бумажками.

Учрежденіямъ общественно просвѣдительнымъ при такомъ режимѣ, разумеется, трудно было жить. При Воронцовъ-Вельяминовѣ возникъ педагогическій отдѣлъ историко-филологическаго Общества. Попечитель не возражалъ противъ учрежденія его, напротивъ, даже поддержалъ ходатайство университета; но тотъ часъ же по открытіи подчинилъ его самой подозрительной личной своей опеке. Отдѣлъ былъ открытъ въ 1892 г. На самомъ открытіи попечитель не присутствовалъ, по случаю ревизіи округа; но затѣмъ онъ посѣтилъ подрядъ нѣсколько первыхъ засѣданій и, не стѣняясь, выражалъ свое неудовольствіе темами докладовъ въ присутствіи докладчиковъ и членовъ. Такъ, онъ остался недоволенъ докладомъ проф. М. Е. Халанскаго о переутомленіи учащихся и докладомъ проф. И. В. Нетушила объ этикѣ въ дисциплинѣ. Мнѣ, какъ предсѣдателю, предложено было не допускать докладовъ по педагогической этикѣ. Хотя этика въ послѣдствіи, все-таки проходила, такъ какъ въ педагогическомъ Обществѣ мудро безъ нея обходиться; но первое впечатлѣніе было испорчено, и отдѣлъ потерялъ нѣкоторые полезныхъ своихъ членовъ, прекратившихъ посѣщать засѣданія.

26 января 1886 г. Воронцовъ-Велья-

миновъ писалъ Министру Народнаго Просвѣщенія, что, присутствуя на вступительной лекціи вновь назначеннаго профессора по кафедрѣ физиологической химіи, онъ замѣтилъ, что „на лекціи не обошлось безъ того, чтобы преподаватель не перешагнулъ изъ области физиологической химіи въ философію этой науки“ и обнаружилъ при этомъ „тенденцію къ объясненію душевныхъ явленій путемъ физико-химическихъ законовъ матеріи“, что будто бы „на вступительной лекціи предъ студентами и требовалось только доказать“. Предполагается какъ-то хроническая вражда студентовъ къ спиритуализму и единственная цѣль профессора—популярничанье передъ слушателями. Предполагается какой-то антагонизмъ молодежи къ душѣ, о которой молодежь уже по самому своему возрасту заботится очень мало. Въ основѣ этихъ полозрѣній лежитъ вражда и къ той малой доли академической гласности, которая сохранялась во вступительныхъ лекціяхъ.

Въ старое время, въ 40—60-хъ годахъ, вступительныя лекціи были публичныя. Предварительно въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, помѣшалось объявленіе съ приглашеніемъ на лекцію „любителей просвѣщенія“. Затѣмъ эта публичность исчезла, и единственнымъ ея остаткомъ, сохраняющимся до настоящаго времени, служить обыкновеніе профессоровъ и студентовъ посѣщать такія лекціи, а ректора—увѣдомлять о нихъ членовъ совѣта. Удержалась такимъ образомъ лишь академическая публичность. Въ 1886 г. Воронцовъ Вельяминовъ хлопоталъ передъ Министерствомъ объ упраздненіи и этой академической доступности на томъ основаніи, что будто бы молодые ученые пользуются вступительными лекціями для популярничанія. Попечитель при этомъ жаловался, что на вступительныхъ лекціяхъ не только студенты, но и профессора, причемъ сдѣлана ссылка на извѣстнаго профессора В. Ѡ. Грубе, позволяютъ себѣ апплодировать; далѣе идетъ любопытное признаніе въ официальной бумагѣ—попечитель жалуется, что долженъ дѣлать студентамъ каждый разъ выговоры и выслушивать отъ нихъ ши-

канье, на которое онъ, по его словамъ, „не обращаетъ никакого вниманія“, какъ на попытки такихъ людей, которые „всегда умѣютъ скрыть свое пополозненіе къ нарушенію порядка“. Но тутъ же попечитель добавляетъ, что, вопреки его мнѣнію, присутствовавшіе на одной лекціи профессора В. Ѡ. Грубе и И. К. Зарубинъ высказались за допущеніе апплодисментовъ. Очевидно, что всякаго рода запреты тутъ были лишни, если такіе почтенные заслуженные профессора, какъ Грубе и Зарубинъ, были противъ внѣшнихъ формальныхъ запрещеній и ограниченій. Упомянутыя о профессорахъ сдѣланы не проста; они—проявленіе общей системы ограниченій, подозрѣній и приниженій профессуры.

Ни возрастъ, ни ученые заслуги, ни официальное выдающееся положеніе не спасали профессора отъ заподозриваній, выговоровъ и конфиденціальной переписки съ Петербургомъ. Профессоръ на кафедрѣ былъ стѣсняемъ не менѣе любого журналиста въ цензурномъ вѣдомствѣ. Краснорѣчивымъ примѣромъ можетъ служить сохранившаяся въ дѣлахъ архива официальная переписка по тому поводу, что престарѣлый профессоръ политической экономіи и бывший ректоръ университета Г. М. Цѣхановецкій въ своихъ лекціяхъ упоминалъ о Карлѣ Марксѣ. Министерство Народнаго Просвѣщенія въ ссылкахъ на Маркса не увидѣло провинности и высказало при этомъ увѣренность, что профессоръ пользуется этимъ писателемъ съ надлежащей осторожностью. И все это тѣмъ болѣе вызываетъ изумленіе, что заподозриваніе Цѣхановецкаго въ марксизмъ шло въ то время, когда въ періодической печати начинали уже трепать Маркса, и марксизмъ замѣтно расплывался въ значительную волну.

Число такихъ горестныхъ фактовъ глубокаго и обиднаго третированія профессоровъ можно значительно увеличить, но и приведенныхъ вполне достаточно, чтобы видѣть, какъ были правы составители „Записки 342 ученыхъ“ и какъ неправы ихъ критики, утверждавшіе, вопреки всей очевидности фактовъ, что будто бы совсѣмъ не было подавленія свободы научнаго изслѣдованія и препо-

